

Научная статья

УДК 81'271

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-249-263

Динамические процессы в сфере речевого поведения

Татьяна Ивановна Стексова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Аннотация

Статья посвящена изменениям, происходящим в русском речевом поведении. Автором рассматривается разрушение правил коммуникации, которые считаются свойственными русскоговорящим. Цель статьи — проанализировать метаязыковые высказывания, в которых проявляется языковая рефлексия говорящего по поводу речевого поведения — своего или собеседника. Анализируются конструкции, маркирующие искренность речи. С опорой на статистические данные в НКРЯ автором отмечается тенденция уменьшения частотности данных маркеров и высказываются предположения о причинах смены речевой стратегии русскоговорящих. Проведенный эксперимент подтверждает отмеченную тенденцию.

Ключевые слова

русский язык, речевое поведение, динамические процессы, языковая рефлексия, искренность

Для цитирования

Стеклова Т. И. Динамические процессы в сфере речевого поведения // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 249–263. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-249-263

© Стеклова Т. И., 2026

Dynamic processes in the sphere of speech behavior

Tatyana I. Steksova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Abstract

The article is the continuation of the author's observations of the dynamic processes occurring in the last decade in the sphere of the speech behavior of Russian speakers. The author examines the destruction of the rules of communication that are considered characteristic of Russian speakers. The purpose of the article is to analyze metalinguistic utterances that demonstrate the speaker's linguistic reflection on the speech behavior of his or her own or of another participant in communication. The constructions that mark the sincerity of speech are analyzed: *I will say (it) sincerely, I am speaking sincerely* and *say (it) sincerely, speak sincerely*. Based on statistical data in the National Corpus of the Russian Language, the author notes a tendency to reduce the frequency of these markers and makes assumptions about the reasons for the change in the speech strategy of Russian speakers. The conducted directed associative experiment confirms the noted tendency. Other linguistic consequences of the rejection of sincerity are noted, in particular, changes in the genre-forming features of the genre of public apology. An assumption is made that changes in the sphere of axiology will lead to the replacement of previously existing rules of speech behavior with "anti-rules". It is argued that the task of linguists is to record and analyze these changes that occur before our eyes under the influence of extralinguistic factors.

Keywords

Russian language, speech behavior, dynamic processes, language reflection, sincerity

For citation

Steksova T. I. Dynamic processes in the sphere of speech behavior. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 249–263. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-249-263

Статья является продолжением авторских наблюдений за динамическими процессами, происходящими в последнее десятилетие в сфере речевого поведения русскоговорящих. Уже отмечалось, что сформулированные Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1983] правила речевого поведения и отмечаемые многими другими исследователями как специфические

для русского речевого поведения начинают меняться в последние годы. Это вполне понятно, т. к. более сорока лет назад правила отражали сложившуюся речевую культуру того периода времени. Изменилась реальная действительность, что повлекло за собой изменение и в сфере коммуникации, в речевых нормах и привычках. Так, нарушение правила не нанесения коммуникативного ущерба адресату фиксируется во многих статьях, посвященных речевой агрессии. И если сначала речевая агрессия фиксировалась лишь в неофициальной коммуникации [Стексова, 2013], то позже она стала обыденным явлением и в текстах СМИ, и в речи политиков [Смирнов, 2015; Громова, 2019; Стексова, 2020 и др.]. Запрос на характерную ранее для русского речевого поведения прямоту речи постепенно исчезает, на смену ей приходит эвфемизация [Стексова, 2025].

Аналогичный процесс происходит и с метасмыслом «искренность», который регулируется правилом речевого поведения «будь искренен и правдив». Данное правило требует от говорящего честности, искренности в его речевом поведении, говорящий не должен лгать или искажать истину, какой бы неоднозначной ни была впоследствии реакция адресата сообщения. По мнению С. Ю. Данилова, искренность и правдивость — это важнейшие ценности русского общения [Данилов, 2018].

В обыденном представлении искренность всегда понималась как позитивное свойство говорящего, как некая этическая норма речевого поведения. Свидетельства этому можно найти во многих известных трудах, начиная с поучений Конфуция («Благородный муж должен следовать, искренна ли его речь...»).

Искренность считается важнейшей характеристикой общения, а также одним из условий успешности речевого акта [Searle, 1969; Grice, 1975]. Как известно, понятие *искренность* представляет собой не свойство высказывания как такового, а отношение между высказыванием и отражаемыми в нем реальными мыслями, чувствами, интенцией или поведением говорящего.

Психологи считают, что психологические механизмы искренности заключаются в соответствии произносимых слов мыслям и чувствам говорящего [Морозов, Морозов, 2010].

Итак, принято считать, что есть основания отнести «ИСКРЕННОСТЬ» к аксиологическим концептам, представляющим собой духовную ценность в русской лингвокультуре, который ставится в один ряд с такими концептами, как ПРАВДА, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, ВЕРНОСТЬ,

с представлениями о добродетели в целом и воспринимается как часть русского менталитета» [Захаренко, 2022, с. 22].

Задачей нашего исследования является попытка проверить это утверждение на языковом материале и выявить динамические процессы в сфере аксиологии. Необходимо сделать оговорку, что за пределами научного интереса оказалось явление так называемой «новой искренности» — особого направления в литературе, кинематографе, музыке. В центре внимания искренность речевого поведения.

Для сбора языкового материала и статистического анализа были использованы данные НКРЯ.

Маркерами искренней речи являются сочетания наречия *искренне* с перформативом (*скажу искренне, говорю искренне*) и императивом (*скажи искренне, говори искренне*).

По запросу «найти примеры с наречием *искренне*» поисковой системой выдается большое количество примеров.

Так, с 1742 по 2022 г. зафиксировано 9289 примеров.

Самые частотные предикаты, с которыми сочетается наречие *искренне*:

завидовать, не понимать, верить, жалеть, любить, сочувствовать, надеяться, восторгаться, хотеть, пытаться, забыть, плакать, уважать, сопереживать, удивляться и др.

Пик частотности — 1999 г.: 39,64.

В 2022 г. эта цифра снижается до 12,44.

Среди всех этих примеров зафиксировано только 16 высказываний с сочетанием *искренне говорю*:

Я абсолютно искренне говорю: мне очень повезло в жизни!.. (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... 1999–2003).

Может быть, нас с ним роднит то, что я, как и Высоцкий, «говорю» с людьми на простом, понятном всем языке о том, что мне близко. Искренне говорю, как мне кажется. Но я не стараюсь подражать Высоцкому, пишу и пою по-своему (Александр Розенбаум. Бультерьер. 1987–1998).

А я, профессор филологии, знакомый с психологией и кибернетикой, имеющий за полторы сотни научных публикаций (не платят нам за них ни рубля гонорара — такая у нас система оплаты научного труда для подавляющего большинства научных работников), совершенно искренне говорю, что я — за Вас (И. Горелов. Будет ли профессор отстаивать интересы рабочих? // Огонек. 1989).

Я совершенно искренне говорю, что я не только не считаю себя поэтом, как, например, Маяковский, но даже не думаю, что это дело будет со мной всю жизнь (Сергей Довлатов. Армейские письма к отцу [Из сборника «Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба»]. 1962–1963).

— Я вас боюсь! — отступил Нагибеда. — Я вам искренне говорю: боюсь! — Он отступил еще на шаг, помолчал (С. Н. Сергеев-Ценский. Бабаев. 1906–1907).

Поисковый запрос на сочетание наречия с императивом показал, что в корпусе зафиксирован лишь один пример:

Я ничего в своей жизни не сделал. Ты мне искренне говори (М. К. Кантор. В ту сторону. 2009).

Пик частотности сочетания наречия с перформативом приходится на 1907 г. — 0,55, далее фиксируется снижение частотности:

1965 г. — 0,2;

2012 г. — 0,01.

Запрос точной формы *скажу искренне* дал отрицательный результат, не зафиксировано ни одного примера.

На запрос точной формы *искренне скажу* корпусом были выданы всего три примера:

И во имя этой дружбы я тебе искренне скажу: я для тебя покойник, а Борис... (Е. Н. Чириков. Зверь из бездны. Поэма страшных лет. 1926).

Сочетание наречия *искренне* с императивом *скажи* в корпусе не зафиксировано, кроме одного примера с глаголом во мн. ч.:

Вот скажите искренне, положила руку на сердце, думали вы о войне? (М. М. Пришвин. Дневники. 1928).

Таким образом, данные корпуса свидетельствуют о том, что искренность как аксиологическая категория не вполне характерна для речевого поведения носителя русского языка. Это наблюдение несколько противоречит утверждению М. Я. Гловинской, которая сравнивает русское речевое поведение с англосаксонским: «Для русского мира **важнейшее значение имеет постулат искренности**... а для англосаксонского... постулат толерантности» [Гловинская, 2003, с. 355]. Автор также указывает на то, что **конструкции** и словосочетания, **выражающие** прямоту и **откровенность** говорящего (*говорить правду, резать правду-матку в глаза*,

говорить без обиняков, разговор по душам, прямой, искренний человек, открытая душа, чистосердечный, исповедальный тон и т. п.) **содержат положительную моральную оценку** называемых действий и свойств, в то время как выражения с непрямым, неоткровенным значением (*говорить неправду, скрытный человек, неискренний, притворный, напускной, фальшивый* и т. п.) — отрицательную [Там же, с. 355–356].

Заметим, что языковой материал показывает амбивалентность искренности: наряду с позитивной оценкой этого качества есть и отрицательная.

Ср.: *Только такая предельная искренность в общении со временем и миром способна исцелить нас, просветить наше общество, напитать нас новой свежестью и ясностью бытия* (Андрей Козырев. Логика истории и взаимодействие культур // Менестрель. 2013).

И только искренность пережитого волнения и сознание, что общая мысль романа индивидуальна и нова, стимулирует работу (Наталья Корниенко. Андрей Платонов и его современники // Октябрь. 2013) — **позитивная** оценка.

А если искренность с надрывом показные — так и вовсе выходит порнография (Иван Давыдов. Опять об Обаму // Русская жизнь. 2012).

Искренность сегодняшняя может быть воспринята скорее как цинизм, если рассматривать ее на уровне высказывания (Е. В. Петровская. Безымянные сообщества. 2010).

Она слишком проста и бесхитростна, а простота и искренность нынче не в моде (С. И. Трунев. Кошкам, собакам, траве посвящается // Волга. 2010) — **отрицательная** оценка.

Итак, по данным НКРЯ получается, что искренность достаточно редко проявляется в речевом поведении носителей русского языка, причем прослеживается тенденция к снижению частотности употребления и наряду с позитивной оценкой отмечена и негативная оценка искреннего речевого поведения.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть этот вывод, был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 40 информантов (студенты 4–5 курсов).

Им было предложено два задания.

1-е задание: приведите до пяти сочетаний *искренне* + глагол.

Было получено всего 230 реакций:

благодарить, быть счастливым, быть убежденным, веселиться, вести себя, волноваться, воодушевлять, воспринимать, восхищаться, гладить,

грустить, дарить, действовать, делиться, доверять, дорожить, злиться, мечтать, не знать, недоумевать, откликаться, отмечать, относиться, переживать, петь, подарить, поздравить, понимать, поступать, принимать, провожать, разговаривать, раскаиваться, рассказывать, ругаться, сделать, слушать, сожалеть, страдать, творить, убеждать, учиться, чтить, шутить...

Самая частотная реакция — *любить* (25).

Глаголы речи: *говорить* — 14; *ответить* — 7; *общаться* — 5; *извиняться* — 3; *сказать* — 2; *советовать* — 2.

Глаголы, с которыми сочетается маркер искренности, можно разделить на три неравные группы. Самая большая группа — это глаголы, называющие эмоции, чувства, психологическое состояние, отношения (эмоциональная сфера), — 123 реакции = 53,5 %, причем ***искренне доверять*** — **единичная реакция**.

Второе место занимают глаголы, обозначающие действия, — 41 реакция = 18 %.

И реже всего фиксируется сочетание маркера с глаголами речевого поведения — 35 реакций = 15% от общего количества.

Следует отметить, что наречие *искренне* в сочетаниях с глаголами эмоциональной сферы и глаголами действия часто используется как интенсификатор, указывая на степень проявления эмоционального отношения: *искренне доверять* = *очень доверять*; *искренне переживать* = *очень переживать*; *искренне веселиться* = *очень/сильно веселиться* и под. Как известно, к интенсификаторам относят слова-усилители со значением высокой, чрезмерной и предельной степени признака.

Толковые словари¹ отмечают два значения у этого наречия:

1. Правдиво, откровенно, чистосердечно.
2. Выражая неподдельные чувства, мысли или свидетельствуя об этом.

Как видим, в толковании этого слова функция интенсификатора не отмечена, хотя она и проявляется в сочетаниях наречия с глаголами действия и эмоциональной сферы, но в сочетании с глаголами речевого поведения

¹ *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: Астрель: АСТ, 2006—. Т. 1: А–Л. 2006. 1165 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/275444/искренне> (дата обращения: 05.12.2025).

это наречие не является интенсификатором, не усиливает степень признака, а называет сам признак речи (*откровенно, неподдельно*).

2-е задание: приведите до пяти сочетаний существительного *искренность* с прилагательным (в роли определения).

Было получено 114 реакций:

актуальная, безусловная, бескорыстная, близкая, взаимная, воодушевляющая, глубокая, глупая, действенная, доверчивая, долгожданная, душевная, женская, жестокая, забытая, зеркальная, излишняя, корыстная, лживая, материнская, мнимая, надежная, наигранная, непосредственная, непритворная, неуместная, обезоруживающая, обескураживающая, обманутая, отрезвляющая, открытая, понятная, потерянная, пустая, располагающая, редкая, родительская, театральная, товарищеская, трудная, уродливая, чарующая, эмоциональная, яркая.

Самые частотные: *детская* — 12; *настоящая* — 8; *дружеская* — 7.

Позитивная оценка — 36 %.

Негативная оценка — 21 %, среди которых чаще всего встречаются сочетания *опасная искренность, фальшивая, поддельная*.

Обращение к корпусу показало, что в нем (до 2022 г.) не зафиксированы примеры с такими сочетаниями.

Таким образом, можно сделать первый вывод о том, что **искренность** как аксиологическая категория, оставаясь важной для русской языковой картины мира в некоторых сферах, **утрачивает свою значимость для речевого поведения русскоязычного человека, искренность речи перестает быть приоритетной.**

Более того, маркер искренности зачастую используется в манипулятивных целях. Показную «искренность» рекомендуют использовать как прием воздействия на аудиторию:

*Как только у вас получилось и образ человека ожил, начинаете **искренне просить** прощения за всё, что когда-либо могло быть. Это не должно быть просто сухое повторение каких-то слов, нет. Постарайтесь вложить в это чувства сердца. Другими словами, это **очень похоже на молитву** («ДАО Эмоций» телесные практики ВОРОНЕЖ. Здоровье. 2019).*

Или, напротив, отмечается неуместность искренности:

*Н. К.: Ну / по той простой причине / что далеко не все из нас с вами вызывают у нас симпатию / и если я буду **искренне говорить***

с тем / кто не симпатичен мне / что и почему это происходит / ну это будет просто обыкновенным хамством / если не сказать / хуже (Лекция по психологии «Как общаться с другим человеком»).

В искренность каждого говорящего уже не верят, искренними, по мнению многих, могут быть только близкие люди, о чем свидетельствуют многочисленные посты в соцсетях:

*...вульгарность и однотипность есть везде, надо просто найти то, что вам нужно, полагаясь на свой выбор, свой вкус, кто **искренне посоветует** вам что плохо, а что хорошо? Только тот, кто вас любит (мама, сестра и т. д.), а продавцы... это их работа, чтоб вам было комфортно делать покупки. И многие из них обладают навыком НЛП. Кто же вам **искренне скажет**, что у вас нет талии или ужасный цвет кожи, ну и т. п. Вам будет лучше от этого? (Свадебное платье: отзывы о салонах, фасоны, цены. 2007–2019).*

*Люди научились пить... говорить ни о чём, изображать истории из идиотских фильмов... не выполнять обещания, забывать, **искренне лгать**, заводить котов или собак, менять номера телефонов, быть успешными и быть неудачниками (vk 15.05.2016).*

Включение маркера искренности в свою речь становится ритуальным, особенно в официальной сфере: *Я **искренне благодарю** вас за доброту, душевное участие и самоотверженность, благодаря которым определяются высокие результаты образовательной деятельности* (Кристина Кулешова. Депутат Воронежской областной Думы. 2021).

Утрата искренности, в свою очередь, имеет и другие лингвистические последствия, в частности меняет жанрообразующие признаки речевых жанров. В этом можно убедиться на примере жанра публичного извинения [Лаврентьева, Стексова, 2025].

По А. Вежицка, формула любого извинения содержит следующие семантические единицы:

знаю, что я сделал нечто, что было для тебя плохо;
думаю, что ты можешь чувствовать ко мне нечто плохое по этой причине;
говорю: я жалею, что я это сделал;
говорю это, потому что хочу, чтобы ты не чувствовал ко мне ничего плохого [Вежицка, 1997, с. 104].

Но в последнее время в функционировании этого варианта под влиянием экстралингвистических факторов происходит ряд существенных изменений, которые позволяют говорить о том, что современное публичное извинение отрывается от своего инварианта и стремится стать самостоятельным омонимичным речевым жанром.

Концептуальным в образе говорящего является **искреннее признание** им своей **вины**.

В публичном извинении происходит трансформация понятия вины: проступок выгодно переqualificировать в ошибку в целях минимизации негативной оценки и сохранения репутации (вспомним выражение Филиппа Киркорова *зашел не в ту дверь*).

Одним из системообразующих прагматических факторов публичного извинения становится его **принудительность и вынужденность**: высказывание может быть детерминировано не только стремлением соответствовать общественным ожиданиям, но и реальными директивами со стороны соответствующих инстанций.

Следствием вынужденности и эмоциональной болезненности для говорящего становится его очевидная неискренность и демонстративность. Так, у Ксении Собчак по поводу «голой вечеринки» неискренность извинения проявляется в оценочной интерпретации события, что эксплицируется путем использования оценочных лексем: *Отмена артистов, участвовавших там, и разговоры об идеологической диверсии — это глупости. Делать из идиотских фотографий высказывания, превращать участников фигни в преступников — это пошлость на пошлости*. Сложно говорить об искреннем признании вины, когда говорящий номинирует поступок, за который извиняется, «фигней». Но сложившаяся **ситуация вынуждает** ее извиниться: *Могу сказать за себя: я точно никого не хотела обидеть и оскорбить. Если кого-то оскорбил мой внешний вид, я за это извиняюсь*. Любопытной представляется здесь номинация обиженного адресата: *кого-то*.

В ситуации публичного извинения схема воплощения жанра усложняется по сравнению с инвариантом. Она становится трехактной: малефактивное действие — реакция общественности или властных структур — извинение. Специфика публичных извинений заключается не только в запрограммированности на широкую аудиторию. Их вынужденность и принудительность приводит к тому, что, по сути, они адресованы не тем, кто эксплицирован в высказывании (не тем, кому нанесен реальный

ущерб, и даже не абстрактной общественности). Их **реальным адресатом становятся те, в чью юрисдикцию входит возможность повлиять на ход событий**, от кого зависит смягчение последствий для говорящего.

Таким образом, специфичность публичных извинений заключается в их **двойном адресате**, когда номинальный (эксплицированный в высказывании) и реальный адресаты не совпадают.

Включение оправдания в извинительное высказывание становится условием успешности реализации жанра. По причине вынужденности, утраты искренности и в целях минимизации болезненности извинения на публику речевой жанр трансформируется в тщательно подготовленный ритуал, который говорящий совершает, чтобы сохранить свое реноме, карьеру, бизнес.

Итак, можно констатировать, что в сфере аксиологии и речевого поведения наблюдаются динамические процессы, которые, в частности, проявляются в том, что под влиянием экстралингвистических факторов происходит снижение значимости некоторых правил речевого поведения, которые ранее отражали ценности, характерные для русской языковой картины мира, русского речевого поведения. Как показали данные НКРЯ, частотность употребления рассматриваемых маркеров языковой рефлексии заметно снижается в последнее десятилетие. Это приводит к проявлению речевых стратегий, которые ранее осуждались социумом, к разрушению или трансформации некоторых речевых жанров. Можно предполагать, что этот процесс продолжится, причем чем более будет происходить размежевание социума на свой/чужой, тем активнее это будет проявляться в языке, чем больше будет изменений в сфере аксиологии, тем очевиднее будет происходить замещение правила «антиправилом». Задача лингвистов — зафиксировать и проанализировать эти изменения, происходящие на наших глазах под воздействием экстралингвистических факторов.

Список литературы

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Гос-УНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.

Гловинская М. Я. Постулат искренности vs постулат толерантности и их производные в разных культурах и языковых моделях поведения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 536 с. С. 355–363.

Громова Н. С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 150–155.

Данилов С. Ю. Константа ОТКРОВЕННОСТЬ в русской коммуникативной практике: речевой аспект // Русское повседневное общение: прагматика, культурология: коллектив. моногр. / под науч. ред. И. Н. Борисовой. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2018. С. 317–396.

Захаренко И. В. Концептуальное поле ИСКРЕННОСТЬ в русском языковом сознании (по результатам проведенного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 4 (54). С. 10–24.

Лаврентьева Е. В., Стексова Т. И. Трансформация жанра «публичное извинение» // Жанры речи. 2025. № 3. С. 244–253.

Морозов В. П., Морозов П. В. Искренность — неискренность говорящего и «психологический детектор лжи» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 54–67.

Смирнов П. Ю. Речевая агрессия как коммуникативная стратегия в политике (на примере высказываний В. В. Жириновского) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 1. Ч. 3. С. 137–142.

Стексова Т. И. Прямота речи как авторская стратегия // Коммуникативные исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 22–34

Стексова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77–81.

Стексова Т. И. Речевое поведение журналистов в восприятии адресатов: от «суконного» формализма к вседозволенности? // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 1. С. 149–162.

Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.

Grice H. P. *Logic and conversation // Syntax and semantics*. Vol. 3. *Speech acts* / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. 406 p. P. 41–58.

Searle J. R. *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. vi, [2], 203 p. P. 60.

References

Danilov S. Yu. Konstanta OTKROVENNOST' v russkoy kommunikativnoy praktike: rechezhanrovyy aspekt [The constant of FRANKNESS in the Russian communicative practice: the speech-genre aspect]. In: *Russkoe povsednevnoe obshchenie: pragmatika, kul'turologiya* [Russian everyday communication: pragmatics, cultural studies]: collective monograph. Ed. by I. N. Borisova. Ekaterinburg, Humanitarian University, 2018. Pp. 317–396. (in Russ.)

Glovinskaya M. Ya. Postulat iskrennosti vs postulat tolerantnosti i ikh proizvodnye v raznykh kul'turakh i yazykovykh modelyakh povedeniya [The postulate of sincerity vs. the postulate of tolerance and their derivatives in different cultures and linguistic models of behavior]. In: *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kollektiv. monogr.* Ed. by N. A. Kupina and M. B. Khomyakov. [Philosophical and linguacultural problems of tolerance]: collective monograph. Moscow, OLMA-PRESS, 2005. Pp. 355–363. (in Russ.)

Grice H. P. *Logic and conversation*. In: *Syntax and semantics*. Ed. by P. Cole and J. L. Morgan. Vol. 3. *Speech acts*. New York, Academic Press, 1975. 406 p. P. 41–58.

Gromova N. S. Rechevaya agressiya v politicheskoy kommunikatsii: prichiny i posledstviya [Verbal aggression in political communication: causes and consequences]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2019, no. 2 (74), pp. 150–155. (in Russ.)

Lavrent'eva E. V., Steksova T. I. Transformatsiya zhanra «publichnoe izvinenie» [Transformation of the genre of public apology]. *Zhanry rechi*. [Speech Genres], 2025, no. 3, pp. 244–253. (in Russ.)

Morozov V. P., Morozov P. V. Iskrennost' — neiskrennost' govoryashchego i «psikhologicheskiy detektor lzhi» [The speaker's sincerity/insincerity and the “psychological lie detector”]. *Psikhologicheskiy Zhurnal* [Psychological Journal], 2010, vol. 31, no. 5, pp. 54–67. (in Russ.)

Searle J. R. *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1969. vi, [2], 203 p. P. 60.

Shmeleva T. V. Kodeks rechevogo povedeniya [The code of speech behavior]. *Russkiy yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*, 1983, no. 1, pp. 72–77. (in Russ.)

Smirnov P. Yu. Rehevaya agressiya kak kommunikativnaya strategiya v politike (na primere vyskazyvaniy V. V. Zhirinovskogo) [Verbal aggression as a communication strategy in politics (based on the statements of V. V. Zhirinovskiy)]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii [Modern Trends in the Development of Science and Technology]*, 2015, no. 1, part 3, pp. 137–142. (in Russ.)

Steksova T. I. Pryamota rechi kak avtorskaya strategiya [Directness of speech as an author's strategy]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies]*, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 22–34. (in Russ.)

Steksova T. I. Rehevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavlenie sotsial'noy napryazhennosti [Verbal aggression in internet comments as a manifestation of social tension]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 2013, no. 3, pp. 77–81. (in Russ.)

Steksova T. I. Rechevoe povedenie zhurnalistov v vospriyatii adresatov: ot «sukonnogo» formalizma k vsedozvolennosti? [The speech behavior of journalists in the perception of addressees: from stiff formalism to permissiveness?]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies]*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 149–162. (in Russ.)

Vezhbitska A. Rehevye zhanry [Speech genres]. In: *Zhanry rechi [Speech genres]: collection of scientific articles*. Saratov, Kolledzh, 1997. Issue 1. Pp. 99–111. (in Russ.)

Zakharenko I. V. Kontseptual'noe pole *ISKRENNOST'* v russkom yazykovom soznanii (po rezul'tatam provedennogo eksperimenta) [The conceptual field of *SINCERITY* in the Russian linguistic consciousness (based on a field experiment findings)]. *Voprosy psikholingvistiki [Questions of Psycholinguistics]*, 2022, no. 4 (54), pp. 10–24. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Стексова, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Tatyana I. Steksova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 12.11.2025;
одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 06.04.2026
The article was submitted on 12.11.2025;
approved after reviewing on 17.12.2025; accepted for publication on 06.04.2026*